

«Предсказание невозможно. Мы видим будущее лишь как неясные очертания, наш взгляд способен проникнуть совсем недалеко... При этом история учит нас, что иной раз даже совсем незначительные обстоятельства или поступки могут повернуть ход событий». Этими словами Роберт Конквест предваряет свою книгу о «реальности и заблуждениях в ходе истории»,

в которой он хвалится перед читателем собственной прозорливостью, позволившей ему еще в 60-е годы провидеть закат СССР.

Действительно, если рассуждать рационально, заглядывать в будущее — бессмысленное занятие, но

любопытство или тщеславное желание оказаться проницательнее других, как правило, сильнее. А для кого-то описание грядущего является служебной обязанностью — политики требуют от своих советников отчета о том, что будет, и не отговоришься тем, что, мол, предсказание невозможно.

Осенью 2010 года Московский Центр Карнеги собрал политических экспертов из России и других стран, чтобы обсудить, какой будет Россия через десять лет. Участники дискуссий столкнулись с противоречием: после десятилетия путинской стабильности трудно представить себе серьезное нарушение политического статус-кво, и тем не менее наши эксперты почти не сомневались, что на десять лет нынешней стабильности не хватит.

Между тем сегодняшняя власть более всего стремится именно к сохранению статус-кво и в этом опирается на поддержку значительного большинства населения. Большинство опасается любых перемен и сохраняет привычную иждивенческую позицию по отношению к власти, впрочем не слишком рассчитывая на то, что государство в самом деле поможет. Что же до более деятельного — и более обеспеченного — меньшинства, то оно направляет свою творческую энергию на осуществление собственных

жизненных проектов, а не на национальные преобразования. Это не удивительно, поскольку государство, время от времени призывая граждан к участию в развитии страны, на деле последовательно отталкивает и маргинализует модернизированные группы россиян.

Для персоналистского режима особенно трудно строить сценарии будущего, потому что в его основе не институты, правила и процедуры, а воля главного лица и неформальные, непубличные процессы. По этой причине, если не рассматривать возможность революционной смены власти, приходится думать об объективных, внутренних или внешних, факторах, которые могут вынудить либо самую власть, либо какую-то часть общества изменить целеполагание.

В первую очередь к таким факторам относится экономика. Настигший Россию кризис убедительно демонстрирует, что внутренние источники роста в значительной мере исчерпаны. При этом социально-экономическая политика направлена прежде всего на задабривание иждивенческого большинства, а не на создание стимулов для тех, кто мог бы способствовать развитию. Тем временем наращивание социальных расходов наталкивается на неизбежные ограничения, связанные с дефицитом ресурсов, а сокращение расходов сопряжено с неприятными социальными последствиями. Причин для недовольства хватает и сегодня, но пока российские граждане готовы мириться и с милицейским произволом, и с несправедливостью, и с неравенством. Если к этому добавится ухудшение уровня жизни, насколько хватит долготерпения, или общественной пассивности? Найдутся ли желающие рискнуть и трансформировать низовое возмущение в «левое» политическое действие? При этом уже сегодня на московские улицы выплеснулась разрушительная энергия националистического толка, создавая еще одну возможность для политической организации, на сей раз праворадикальной. Неявная политическая плюрализация — одна из возможных тенденций будущего развития.

Коррупция и падение качества государственного управления, свидетельством чего стали чудовищные события в станице Кущевская, тоже представляют угрозу статус-кво. Формальный контроль над регионами может прийти в противоречие с неспособностью Центра помочь провинциям в решении проблем, что будет подталкивать к неявной децентрализации и еще большему разрыву между разными частями страны.

Северный Кавказ представляет собой территорию нестабильности, которую власть стремится «изолировать» от остальной России, но эти усилия и сегодня не всегда успешны. Вероятность драматических событий — терактов, перенесения «кавказских» конфликтов за пределы региона — еще одна опасность для нынешнего статус-кво.

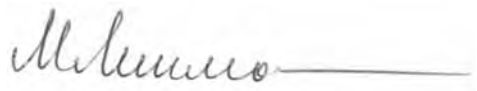
Важным обстоятельством, которое будет определять, что случится с Россией в ближайшие десять лет, являются отношения России с внешним миром. Сохранится ли нынешняя политика сближения с Западом и увенчаются ли успехом попытки российского руководства привлечь в Россию иностранные инвестиции; поможет ли растущий китайский спрос нашей экономике или, напротив, влияние Китая будет противоречить российским интересам? Удастся ли США сохранить хотя бы относительную стабильность в Афганистане или впереди окончательная дестабилизация самого Афганистана, а вслед за тем и ее приближение — через Центральную Азию — к нашим границам. Кроме того, вблизи наших дальневосточных границ может вспыхнуть новая корейская война, которая вынудит Россию к трудному политическому и дипломатическому выбору.

Перечислять обстоятельства, которые способны повлиять на облик России в 2020 году, дело нетрудное. Гораздо сложнее понять, сумеет ли российское руководство осуществить свою задачу

и сохранить собственную монополию на власть и принятие решений. А если впереди — изменение режима, станет ли он более плюралистичным или более жестким; сможет ли сегодняшняя власть сохранить инициативу и сознательно отказаться от статус-кво, или перемены выбьют у нее из рук рычаги управления, как это случилось в свое время с Михаилом Горбачёвым? Встретим ли мы 2020 год с той же политической элитой во главе страны?

Материалы, публикуемые в данном номере *Pro et Contra*, написаны участниками сценарного упражнения, организованного Московским Центром Карнеги. Каждый из экспертов попытался представить себе возможное развитие событий в конкретной сфере. Работа над сценариями для России в целом еще впереди.

Кирилл Рогов пишет о том, что исчерпанность прежней модели экономического роста потребует «неизбежной коррекции господствующих социальных настроений, а также возможностей и стратегий элитных групп». **Владимир Гельман** анализирует перспективы политических институтов. По его мнению, их уже нельзя улучшить, а можно только уничтожить. **Борис Макаренко**, размышляя о будущем политических партий, полагает, что власть должна перестать игнорировать «активное меньшинство» и «новый протест». Материал **Александра Гольца** посвящен будущему российской армии. В центре внимания **Игоря Зевелева** «русский вопрос» и его значение для строительства российской нации. **Роберт Ортунг** предлагает свой взгляд на отношения между Центром и периферией. Сюжет **Алексея Малашенко** — Северный Кавказ и его место в российском государстве в ближайшее десятилетие. **Томас Грэм** указывает на то, как меняется положение России в мире. **Аркадий Мошес** рассуждает о тенденциях в отношениях России с ее ближайшими европейскими соседями.

Мария Липман, главный редактор